

ТРИОДЬ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИСТОЧНИК ЖИТИЯ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО

Житие Стефана Пермского, написанное непревзойденным стилистом эпохи второго южнославянского влияния Епифанием Премудрым, является одним из самых пространных агиографических произведений древнерусской литературы. С точки зрения стилистики это наиболее витиеватое произведение, в котором стиль «плетение словес», характерный для всей эпохи второго южнославянского влияния, воплотился максимально полно и целостно. Литературный стиль, по убеждению немецкого исследователя Германа Ноля, является чем-то вроде материального воплощения глубоко внутренних мировоззренческих позиций автора. Г. Ноль предлагал ввести для понятия «литературный стиль» термин «стиль-мировоззрение», чтобы как можно точнее отразить то единство содержания и формы, которое мы называем художественным стилем.¹

Думается, определение литературного стиля, предложенное Нолем, как нельзя лучше подходит к стилистике Епифания Премудрого: стиль «плетение словес», в котором работал агиограф, является своеобразным зеркалом его монашеского мировоззрения и молитвенного настроения. Жития, созданные Епифанием, длинны и витиеваты, располагают к неторопливому и спокойному чтению и отчасти похожи на долгую молитву отшельника, который никуда не спешит и наслаждается каждым словом, произнесенным в молитве. Так и Епифаний, живший в эпоху расцвета исихастских идей и бывший учеником Сергия Радонежского, одного из воплощений этих идей в реальность, наслаждается каждым словом, каждым моментом создаваемого Жития. Он не торопится описать событие, но старается с наибольшей полнотой ощутить его, пережить, прочувствовать, как молитву, — а отсюда и неторопливый ритм, и обилие эпитетов и амплификаций, и, наконец, огромное количество разнообразных цитат, реминисценций и аллюзий, которыми изобилует Житие Стефана Пермского.

Литературный источник, выбранный автором, играет не последнюю роль в создании литературного стиля: при обилии цитат и реминисценций от источника зависит и лексическое богатство произведения, и стилистическая окраска, и даже ритм повествования. У Епифания от литературного источника зависит настроение Жития, его эмоциональное восприятие реципиентом, та своеобразная «музыка» произведения, которая воспринимается подсознательно и заставляет читателя или слушателя подсознательно вписать Житие в определенный

¹ *Nohl H.* Stil und Weltanschauung. Jena, 1920. S. 12—33.

контекст. Для Жития Стефана Пермского это прежде всего контекст богослужений триодного цикла.

Триодный цикл, то есть тот период, когда в богослужении используется Триодь — Постная, Праздничная и Цветная, — начинается за три недели до Великого поста и заканчивается через неделю после праздника Пятидесятницы. Богослужбные тексты этого цикла объединены тематически и стилистически и являются своеобразной квинтэссенцией всего богослужбного годового круга. Тематическая доминанта цикла — страдания Христа и Его Воскресение; соответственно, кульминацией цикла является Страстная неделя и праздник Пасхи. Выбирая Триодь литературным источником для своего произведения, Епифаний Премудрый ориентировал реципиента на достаточно конкретный круг тем, настроений, музыкальных мотивов.

Цитаты из богослужбных текстов, использованные в Житии Стефана Пермского, никогда не получали достаточного освещения в исследовательской литературе. Между тем частота их употребления в сочинении Епифания, несомненно, говорит об определенной писательской установке автора.

Весь текст Жития Стефана Пермского пронизан цитатами из храмовой службы. В «трех плачах», завершающих произведение, таких фрагментов встречается чуть больше, нежели в самом повествовании. Сравним несколько фрагментов Жития с богослужбными текстами (сходные моменты выделены курсивом). Например, перед отправлением в Пермь Стефан молится так:

*«Боже и Господи, Иже премудрости Наставниче и смыслу Давче, несмысленным Казателю и нищим Защитниче, утверди в разумь сердце мое и дай же ми слово, Отчее Слово, да Тя прославляю во вѣки во вѣком!»*²

Сравним с песнопением из службы на изгнание Адамово:

«Премудрости Наставниче, смысла Подателю, немудрымъ Наказателю и нищимъ Защитителю, утверди, вразуми сердце мое, Владыко! Ты даи же ми слово, Отчее Слово, се бо устнамъ моимъ не възбраню внигда звати Ти: Милостиве, помилуй мя падшаго».³

Как можно видеть в приведенном отрывке из Жития Стефана Пермского, для Епифания характерна некоторая неточность при цитировании. Писатель, немного изменяя текст, отчасти изменяет и его содержание, оставляя при этом читателю возможность самому провести параллель к использованному фрагменту службы, угадать источник и причины его использования. Агиограф как будто живет в библейском или богослужбном времени и пространстве, мыслит теми категориями и теми словами, которые впитывает, слушая богослужение изо дня в день. На тот же образ мышления писатель ориентирует и реципиента: подтекст, возникающий в произведении благодаря цитированию, понятен лишь такому читателю, который хорошо ориентируется в богослужении и способен вспомнить текст песнопения и то время в годичном круге богослужений, когда это песнопение исполняется.

² Житие Стефана Пермского («Преподобного во священноиноких отца нашего Епифания счинено бысть Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшаго в Перми епископа») здесь и далее цитируется по изд.: Святитель Стефан Пермский: к 600-летию со дня преставления / Пер., вступ. ст., подгот. текстов Г. М. Прохорова. СПб., 1995 (здесь — с. 184).

³ Триодь постная, XV в. РГБ, ф. 304. I (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 385, л. 42 об.—43.

В данном случае перед нами стихира на утрени в Неделю на изгнание Адамово, то есть в последнее воскресенье перед Великим постом. Стихира занимает одно из центральных мест этой службы, над ней встречается пометка для певчих: «высочайшим гласом», то есть пелась стихира по-особенному, выделяясь на фоне остальных песнопений. Такие пометки встречаются перед теми гимнами, которые особенно должны были выделяться певчими и тем самым обращать на себя внимание слушателей. По содержанию стихира не столько касается вспоминаемого в этот день Адама (хотя и говорится, казалось бы, именно о нем), сколько является просьбой о наставлении молящегося перед тяжелым периодом Поста. Это общая тема для всех предпостовых песнопений. В данной стихире она особенно сконцентрирована, потому стихира и заняла одно из центральных мест в богослужении этого дня.

Интересно, что Стефан, отправляясь к пермянам, использует у Епифания именно этот текст предпостовой стихире: по замыслу автора, подвиг проповеди напоминает, с одной стороны, подвиг Великого поста, а с другой — крестный путь Спасителя, поскольку весь Триодный цикл так или иначе связан с темой крестного пути. Использование этой стихире может указывать и на такую параллель: Адам «поет ее» (в богослужебном тексте) в момент изгнания из рая, прося напутствия на сложную и неизведанную жизнь на проклятой земле; Стефан молится теми же словами, уезжая с православной Руси в землю язычников. Как в богослужебном тексте соединяются эти три смысла: изгнание Адама, напутствие на Великий пост и подготовка к крестному пути, — так и Епифаний, цитируя стихире, заставляет реципиента воспринимать подвиг Стефана глубоко, мысленно сопоставляя его и с положением Адама, и с началом великопостного поприща, и с подготовкой к страданиям.

Описывая разговор Стефана Пермского с волхвом Памом, Епифаний вкладывает в уста своего героя следующие слова:

«То бо есть Богъ богомъ, *Господь господемъ, Царь царемъ*, Егоже дръжава непремѣнна и слава непостижима, Иже живеть въ свѣтѣ неизреченнѣ, неприступнѣ и неприкосновеннѣ, Емуже *предстоятъ съ страхомъ и с трепетомъ* небесная воинства, бесплотныхъ чиновъ; и *тмы тмами архангель предстоятъ предъ Нимъ*, и тысяща тысящами ангель служатъ Ему, иже беспрестани славятъ, *и вопиюще, глаголюще...*»⁴

Этот фрагмент напоминает центральное песнопение из литургии Великой субботы:

«Да молчить всяка плоть чловѣча и *да стоить съ страхомъ и трепетомъ*, и ничтоже земнаго въ себѣ да помышляетъ: *Царь бо царюющимъ, и Господь господствующимъ*, происходитъ заклатися и датися въ снѣдь вѣрнымъ. *Предътекутъ же Сему лицу аггельстии со всемъ началы и властми*, мноочитая Херувимъ и шестокрилатая Серафимъ, лица закрывающе *и вопиюще песнь...*»⁵

Приведенное песнопение исполняется вечером в Великую субботу, то есть в субботу перед Пасхой, — в тот самый день, который в богослужебном годовом круге символизирует день после смерти Христа и до Его воскресения, день

⁴ Святитель Стефан Пермский: к 600-летию со дня преставления. С. 132—134.

⁵ Служебник, XV в. РГБ, ф. 304. I (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 216, л. 50.

сошествия во ад и возведения праведников из ада на небо, день, в который невидимый мир уже знал о воскресении Христовом, а видимый — то есть люди — лишь предчувствовали его. Это самое торжественное богослужение в году, его содержательная сторона очень насыщена с богословской точки зрения, посвящена большей частью невидимому миру, истолкованию ветхозаветных пророчеств и уяснению того, зачем было совершено пришествие Христа, какой смысл в Его крестной смерти и воскресении. Цитируемое песнопение на этой службе заменяет собой традиционную Херувимскую песнь, которая в течение года неизменно исполняется на литургии, и лишь дважды в год это правило нарушается: в Великий четверг и в Великую субботу.⁶ Кроме того, это место литургии — Херувимская песнь — символизирует крестный путь Спасителя. Таким образом, песнопение, которое использует Епифаний, является одним из центральных в богослужении, оно выделяется из обычных богослужебных текстов и, конечно, легко запоминается из-за важности службы и своего исключительного значения. Оно должно было легко узнаваться читателем в тексте Жития и создавать совершенно особое настроение — то, которое было знакомо средневековому читателю по самой торжественной в году храмовой службе.

Епифаний выбирает этот важнейший богослужебный гимн для построения разговора Стефана с волхвом, а именно для разъяснения волхву того, кто же такой христианский Бог. Стефан, описывая Бога язычнику, по мысли автора, испытывает такой прилив благоговения и восхищения Богом, Его величием, Его жертвенной любовью к человечеству, что как бы невольно цитирует важнейшее песнопение богослужебного круга — то самое, в котором более, чем в других, вспоминается могущество Божие и одновременно — Его унижение до крестной смерти. Епифанием используется, как уже указывалось, наиболее насыщенное богословски богослужение, по-видимому, в знак того, что пояснение волхву сущности Божией неизменно должно было быть сопряжено для Стефана с богословскими рассуждениями, основой которых он выбирает, очевидно, крестную смерть Христа и Его Воскресение.

Продолжим прерванное цитирование Епифания, чтобы выявить еще один источник: после приведенного фрагмента агиограф плавно переходит к цитате из другого литургического текста, а именно к песнопению, следующему в ходе богослужения после Херувимской песни и являющемуся главным песнопением литургии, поскольку оно непосредственно касается совершения Евхаристии. Епифаний пишет:

«...и вопиюще, глаголюще: Святъ, святъ, святъ Господь Саваофъ!
Полно небо и земля славы Его!»⁷

Сравним с литургическим песнопением:

«Святъ, святъ, святъ Господь Саваофъ, исполнь небо и землю славы
Твоя...»⁸

В соответствии с учением о христианской литургии в момент пения этого текста происходит пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы, то есть совершается Евхаристия, благодаря чему люди причащаются. Это пес-

⁶ См.: *Никольский К.* Пособие к изучению устава богослужения Православной Церкви. СПб., 1907. С. 419—420.

⁷ Святитель Стефан Пермский: к 600-летию со дня преставления. С. 134.

⁸ Богослужебный сборник, XVI в. РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 652/909, л. 250.

нопение в течение всего года остается неизменным. Средневековый человек, особенно монах, привык слышать его практически ежедневно, а потому не мог не узнать его в Житии. Тем более что очередность цитируемых текстов у Епифания — «Да молчить всяка плоть чловѣча...»; «Святъ, святъ, святъ Господь Саваофъ...» — соответствует их последовательности на литургии. Узнав одно песнопение, читатель ассоциативно связывал его со следующим и четко должен был ощущать возникающий за Житием литургический подтекст.

Епифаний в относительно небольшом фрагменте произведения переплетает два различных отрывка из богослужебных текстов, соединяя их между собой и перемежая с авторскими словами. Обе цитаты взяты из песнопений, составляющих ядро литургии. Средневековый читатель должен был почувствовать настроение героя, который в короткую фразу ввел отрывки основных текстов из центрального православного богослужения, и состояние автора, который не смог иначе выразить это настроение.

Приведем еще несколько фрагментов из Жития Стефана, сопряженных с триодным циклом. Так, Стефан, увещевая пермян, приводит цитату из Второзакония, которая одновременно является строкой из великопостного ирмоса. Сравним эти тексты: житийный, библейский и богослужебный.

Епифаний пишет:

«...Моисий въ Втором законѣ, глаголя: Вонми, небо, и възглаголю, услыши, земле, глаголы усть моих...»⁹

Во Второзаконии сказано:

«Вонми, небо, и възглаголю, услыши, земле, глаголы усть моих» (Втор. 32: 1).

В ирмосе второй песни канона есть такие слова:

«Вонми, небо, и възглаголю, и воспою Христа...»¹⁰

Нужно сказать, что вторая песнь канона, ирмос из которой мы привели, в течение всего богослужебного года опускается, считается слишком грустной для регулярного пения, и только во время Великого поста она исполняется. Данный ирмос принадлежит канону Андрея Критского, который поется дважды в год: на первой и на пятой неделях Великого поста, — канону, который в богослужении является уникальным по длине (он в несколько раз больше всех остальных канонов), содержательности и структуре. Иными словами, Епифаний опять прибегает к цитированию такого песнопения, которое тесно связано именно с периодом Великого поста и даже на фоне великопостных богослужений является уникальным и особенно запоминающимся.

Если бы общее количество цитат, взятых из триодного цикла, не было так велико в Житии, то можно было бы предположить, что в данном случае перед нами лишь ссылка на Священное Писание. Но средневековый читатель, хорошо знакомый с богослужением, не мог, уловив однажды настроение автора, не проводить параллелей между Житием Стефана и гимнографией Великого поста и Пасхи. К тому же автор, как правило, располагает богослужебные фрагменты в тексте рядом, что способствует созданию достаточно четкого образа великопостного или пасхального богослужения.

⁹ Святитель Стефан Пермский: к 600-летию со дня преставления. С. 200.

¹⁰ Ирмологий, XVI в. РГБ, ф. 304. I (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 19, л. 4 об.

Отрывки из праздничных служб, пасхальных или семи недель после Пасхи, наиболее часто используются автором в главе «О призвании и о вѣрованьи многих языкъ». ¹¹ Первая половина этой главы состоит из различных восхвалений Бога, благословившего просвещение пермских людей. Все восхваления представляют собой те или иные строки из псалмов, что отмечает Г. М. Прохоров в публикации текста Жития. ¹² Однако перед нами не просто цитирование Псалтири, а подборка тех псалмических стихов, которые используются на праздничных литургиях. Большинство приводимых Епифанием цитат взято из пасхальной литургии. Несколько меньше — из литургии на Вознесение (праздник, также входящий в триодный цикл). Одна цитата относится к уже упоминавшейся литургии на Великую субботу, и одна — к Рождеству Христову, что никак не связано с Триодью, является в данном случае исключением, но гармонично входит в общий праздничный контекст данной главы Жития. Кроме того, находим здесь в качестве исключения и одну цитату из будничного антифона, которая так же, как рождественская, по смыслу и стилю не противоречит общему настроению, созданному автором в этом фрагменте текста. На фоне многочисленных триодных цитат эти два исключения теряются и говорят, вероятно, лишь о том, что агиограф, цитируя по памяти, а не непосредственно по Триоди, просто ошибся или решил, что для создания общей праздничной атмосферы можно приложить и две цитаты иного происхождения.

Вся глава проникнута пасхальным настроением, так что само событие обращения пермян к православию представляется прообразом их будущего воскресения, которое стало возможно потому, что Христос воскрес. Эта взаимосвязь евангельских событий с современностью Епифания многократно подчеркивается автором Жития при помощи использования гимнографических текстов в качестве литературного источника. В главе о призвании народов цитаты из праздничных служб становятся своеобразными стилистическими скрепами между современностью Епифания и евангельскими событиями.

В настоящей главе, прибегая к цитированию, Епифаний придерживается строгой закономерности. Он выбирает те псалмы, которые звучат в самом начале литургии и в службе имеют название «праздничных антифонов». Антифоны поются попеременно двумя клиросами, так что каждая строчка звучит дважды. Это естественно способствует их запоминанию и выявлению читателями Епифаниева Жития этих параллелей. Так, Епифаний пишет:

«И пророкъ Давыд рече: Хвалите Господа вси языци, вси языци въсплещете руками...».¹³

Сравним со стихом антифона на Вознесение:

«Вси языци восплещете руками, воскликнете Богу гласом радования».¹⁴

Несколькими строками ниже агиограф приводит такие слова:

«Услышите, вси языци, внушите, вси живущии по вселенѣй, земнии же сынове челоувѣчстии, вкупѣ богатъ и убогъ».¹⁵

¹¹ Святитель Стефан Пермский: к 600-летию со дня преставления. С. 170—178.

¹² Там же. С. 50—263.

¹³ Там же. С. 170.

¹⁴ Триодь цветная, XVI в. РГБ, ф. 304. I (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 399, л. 248 об.

¹⁵ Святитель Стефан Пермский: к 600-летию со дня преставления. С. 170.

Перед нами снова не что иное, как стихи из антифона на Вознесение, только в данном случае Епифаний соединяет вместе сразу два стиха, которые в богослужении разбиты между собой одной краткой молитвой:

«Услышите сия вси языци, внушите, вси живущеи по вселеннѣи (здесь вставлен краткий гимн Вознесению, то есть тропарь. — С. III.), земнии же сынове челоувчестии, вкупѣ богатъ и убогъ».¹⁶

Далее Епифаний пишет:

«Воспойте Господеви вся земля, воскликни Богу вся земля, вся земля да поклонит Ти ся и да поет Тебѣ, да поеть же имени Твоему, Вышний».¹⁷

В данном случае агиограф снова приводит подряд два стиха, которые в антифоне разделены между собой пасхальным тропарем и двумя другими стихами. Так, в богослужении читаем следующее:

«Воскликните Господеви вся земля (здесь в антифон вставлено два стиха, взятых также из Псалтири, и тропарь Пасхи. — С. III.). Вся земля да поклонится Тебѣ и поет Тебѣ, да поет же имени Твоему, Вышний».¹⁸

Это сравнение исследуемой главы Жития с различными праздничными антифонами можно продолжить, потому что половина главы практически полностью состоит из тех или иных антифонных стихов.

Кроме этого, в данном фрагменте Жития находим несколько гимнографических вкраплений, также взятых из начала литургии, но не включенных в антифоны. Здесь Епифаний обращается к прокимнам — кратким песнопениям, состоящим, как правило, из одного-двух стихов Псалтири и исполняющихся перед чтением апостольского послания на литургии. Порядок исполнения прокимнов предполагает их троекратное повторение во время богослужения и особенно протяжный и витиеватый распев. Это снова тот случай, когда Епифаний цитирует наиболее запоминаемые и узнаваемые литургические тексты. Так, агиограф пишет:

«Въскресни, Боже, суди земли, яко Ты наслѣдиши во всѣхъ языцѣхъ».¹⁹

Это дословное воспроизведение прокимна из литургии на Великую субботу:

«Въскресни, Боже, суди земли, яко Ты наслѣдиши въ всѣхъ языцѣхъ».²⁰

В Великую субботу, о значении которой уже говорилось, прокимен исполняется не трижды, как обычно, а семь раз. Для данного прокимна существовало отдельное музыкальное решение, он обычно помещался отдельно в нотированных рукописях, поскольку так же, как и цитируемая выше стихира, должен был исполняться «высочайшим гласом». Его мелодическое отличие и многократное повторение обусловлено тем, что прокимен исполняется непосредственно перед чтением Евангелия, а в Великую субботу это первое после Страстной седми-

¹⁶ Триодь цветная, XVI в., л. 249.

¹⁷ Святитель Стефан Пермский: к 600-летию со дня преставления. С. 172.

¹⁸ Триодь цветная, XVI в., л. 105.

¹⁹ Святитель Стефан Пермский: к 600-летию со дня преставления. С. 172.

²⁰ Триодь цветная, XVI в., л. 99 об.

цы чтение, в котором будет говориться о событии Воскресения Христова. Более того, прокимен предшествует чтению того отрывка из Евангелия, который по богослужебному уставу читается всего один раз в году — на Великую субботу. Эта уставная особенность обусловлена желанием подчеркнуть уникальность евангельского события, символизируемого субботней службой, и привлечь внимание слушателей к непривычному для них евангельскому тексту, ведь именно этот отрывок они ни разу не слышали в течение года. В момент исполнения приведенного прокимна по уставу положено сменять во всем храме черное великопостное облачение на белое, поскольку сразу после прокимна будет провозглашена весть о воскресении Христовом. Иначе говоря, прокимен Великой субботы символизирует момент перехода от Страстной седмицы к празднику Пасхи, от скорби по умершем Христе — к радости о Его Воскресении. Очевидно, Епифаний очередной раз прибегает к наиболее запоминающемуся и узнаваемому песнопению, которое будет создавать у реципиента торжественное настроение, — настроение пасхальной радости.

В другой раз агиограф прибегает к прокимну на Вознесение:

«Възнесися на небеса, Боже, по всей земли слава Твоя».²¹

Перед нами дословное воспроизведение вознесенского прокимна:

«Вознесеся на небеса, Боже, по всей земли слава Твоя».²²

Характерно, что очередность цитирования антифонов и прокимнов Епифанием снова совпадает с очередностью их исполнения в богослужении. Далее в тексте анализируемой главы встречается еще несколько выдержек из пасхальной службы.

В других главах Жития можно обнаружить цитаты из великопостных служб, также входящих в триодный цикл. Так, в споре с волхвом Епифаний вкладывает в уста Стефану слова из молебна в неделю Торжества православия, то есть в первое великопостное воскресение:

«...нѣсть иная вѣры, развѣ точю христьянская вѣра православная. Си вѣра апостольская, си вѣра отческа, иже святыми апостолы проповѣдана и святыми отци уставлена, утвержена».²³

Сравним с текстом чина на Торжество православия, помещенного в Синодике кон. XIV — нач. XV в.:

«Си вѣра апостольска. Си вѣра отческа. Си вѣра православныхъ. Си вѣра вселенную утверди».²⁴

Перед нами снова цитата триодного цикла, несколько измененная и расширенная Епифанием в свойственной ему манере. Приведенный фрагмент из Синодика в тексте Жития должен был легко узнаваться средневековым читателем, поскольку Епифаний процитировал не просто отрывок молитвы, а один из двух «велегласных» возгласов, являющихся центральными моментами в чине Торжества православия. На эти возгласы полагался особый витиеватый распев, они повторялись трижды, что делало их легко запоминающимися, а следовательно — узнаваемыми в тексте Жития. Особенно же запоминающимся и узнаваемым этот фрагмент становился благодаря тому факту, что Синодик,

²¹ Святитель Стефан Пермский: к 600-летию со дня преставления. С. 172.

²² Триодь цветная, XVI в., л. 249 об.

²³ Святитель Стефан Пермский: к 600-летию со дня преставления. С. 140.

²⁴ Петухов Е. В. Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895. С. 24. (ОЛДП; Т. 108).

цитируемый Епифанием, именно в это время начал активно распространяться в русских землях благодаря деятельности митрополита Киприана. В этом Синодике впервые на славянском языке было упомянуто имя Григория Паламы с припевом «Вечная память» и имена Варлаама и Акиндина с припевом «Анафема».²⁵ Ссылаясь на чин Торжества православия и на Синодик митрополита Киприана, Епифаний Премудрый делает своеобразный акцент на важном и актуальном для его эпохи богословском споре, который, хотя и обошел стороной славянские земли в догматическом отношении, но принес на них волну новой эстетики, новой образности и выразительности. Цитата из чина на Торжество православия играет, таким образом, двойную роль: во-первых, подчеркивает единство Стефана Пермского с его эпохой, ее идеями и идеалами, а во-вторых — очередной раз возвращает читателя к триодному циклу, поскольку чин на Торжество православия совершается только один раз в году — в первую неделю Великого поста.

С триодным циклом соотнесен и ряд цитат из вечерни и повечерия, к которым прибегает Епифаний в тексте Жития Стефана Пермского. Так, агиограф не однажды употребляет фразу из великопостной вечерни, практически не изменяя ее:

«Вам [епископам] бо дана бысть благодать молитися за ны»;²⁶

«Тебѣ [Стефану] бо дана бысть благодать молитися за ны».²⁷

В вечерни это обращение отнесено к Иоанну Крестителю и звучит так (сходная фраза выделена курсивом):

«Крестителю Христовъ, всехъ насъ помяни, да избавимся отъ беззаконий нашихъ, *тебѣ бо дадеся благодать молити ся за ны*».²⁸

Здесь Епифаний, во-первых, подчеркивает связь между подвигом Стефана и миссией Иоанна Крестителя, а во-вторых — еще раз возвращает читателя к триодному циклу. К нему же могут быть отнесены и другие отрывки из великого повечерия, также часто встречающиеся в Житии:

«Рци к ним: *Разумейте, языци, и покарайтеся!*»²⁹

В великом повечерии этот стих Псалтири начинается одно из торжественных мест службы и предполагает неоднократное распевание использованной Епифанием фразы:

«Съ нами Богъ, *разумейте, языци, и покарайтеся*, яко с нами Богъ».³⁰

Великое повечерие служится накануне больших Господских праздников — Рождества и Богоявления, в первые четыре дня первой седмицы, а также в четверг пятой седмицы Великого поста. Как известно, в эти дни именно повечерие становится своеобразным центром богослужения, поскольку включает в себя канон Андрея Критского, о цитатах из которого уже говорилось. Этот канон был излюбленным гимнографическим произведением в Древней Руси. Его чтение привлекало в храмы большое количество людей, поэтому и он сам, и

²⁵ Там же. С. 37.

²⁶ Святитель Стефан Пермский: к 600-летию со дня преставления. С. 74.

²⁷ Там же. С. 242.

²⁸ Псалтирь с воследованием, XV в. РГБ, ф. 304. I (собр. Троице-Сергиевой лавры), № 312, л. 229.

²⁹ Святитель Стефан Пермский: к 600-летию со дня преставления. С. 76.

³⁰ Псалтирь с воследованием, XV в., л. 230.

включающее его в себя повечерие было известно широкому кругу слушателей. Фразы, взятые из повечерия, неизбежно должны были восприниматься средневековым читателем Жития как аллюзии на первую седмицу Великого поста, то есть опять-таки на триодный цикл. Это восприятие тем более закреплялось обилием цитат из других служб Триоди, используемых Епифанием. Поэтому, цитируя великое повечерие, Епифаний, несомненно, рассчитывал на определенные ассоциации, которые это могло вызвать у читателей Жития Стефана.

Почему же Епифания привлек именно триодный цикл? В Житии встречается по крайней мере два рассуждения, касающиеся этого времени в годичном богослужебном круге. Во-первых, агиограф особое внимание уделяет месяцу марту, который, с его точки зрения, символически связан с началом просвещения пермян. Рассказывая о том, что первую построенную в Перми церковь Стефан освятил во имя Благовещения Пресвятой Богородицы (праздник, приходящийся по времени либо на Великий пост, либо на пасхальную седмицу), Епифаний отступает от повествования, размышляя о значении такого выбора и о времени празднования Благовещения. Он связывает крещение пермян с месяцем мартом и одновременно с событиями пришествия Христова и Его Воскресения. Все эти события, по словам Епифания, предваряет и начинает Благовещение:

«Марта же месяца паки израилитомъ Пасху праздновати по вся лѣта удержася бывати. Марта же месяца и Благовѣщенье бысть Святыя Богородица, еже Архангель Гаврил благовѣсти Ей, егда Сын Божий за наше спасение с небеси сниде и вселися въ пречистую утробу Всесвятыя Владычица наша Богородица и Приснодевыа Мариа и без сѣмени плоть от нея въсприим. Марта же месяца и распятые Христос волею претерпѣ и смерть за ны пострада, и Воскресение боголѣпно нам праздновати устави. Марта же месяца паки чаем воскресенья мертвым и Второго Пришествия Христова (...) Да якоже Благовещенье начальный есть праздникъ праздникомъ, и спасенью нашему начаток и вѣчнѣй тайнѣ явленье, такоже и церкви Пермская — начаток спасенью Пермския земля и вѣрѣ Христовѣ явленье».³¹

Второе хронологическое рассуждение Епифания касается времени представления Стефана. Оно также связано с триодным циклом: святитель преставился в апреле, в четвертую неделю после Пасхи. Если учесть, что чтение житий святых во время богослужения или в келье, как правило, на Руси было сопряжено с празднованием памяти святого, то все великопостные и пасхальные мотивы, введенные Епифанием в текст, должны были очень живо восприниматься средневековыми читателями: память святителя Стефана всегда приходится на первые седмицы после Пасхи. В это время еще должно быть живо воспоминание и о Великом посте, и о празднике Воскресения Христова.

Итак, Триодь является важнейшим литературным источником Жития Стефана Пермского, составленного Епифанием Премудрым. Связь с пасхальным циклом богослужений передается агиографом при помощи введения в Житие цитат из него и реминисценций. Аналогичным образом Епифаний передает идею о связи просвещения пермских людей с библейской историей, когда вво-

³¹ Святитель Стефан Пермский: к 600-летию со дня преставления. С. 92—94.

дит в Житие фрагменты ирмосов. Центром внимания писателя в обоих случаях является молитва, к которой он призывает читателя, вплетая в жизнеописание Стефана молитвенные тексты и соотнося свое сочинение с годичным кругом богослужений и его ключевым моментом — праздником Пасхи. Неторопливая интонация повествования, сопряженная с молитвенным устремлением к небу, является стилистической доминантой агиографического творчества Епифания, а создание внутри произведения молитвенной атмосферы — той *исихии*, о которой говорили великие подвижники древности, — его главной стилистической задачей. Все художественные средства, используемые автором, необходимы ему постольку, поскольку они соотносены с этой задачей и соответствуют его представлениям о горней Красоте и об обожении.